

обрѣшенію людскихъ похвалъ , кромѣ без-
спыднаго презрѣнія ихъ мнѣнія.

Коль ясно вижу нынѣ безпредѣльность
нашего невѣжества! Коликая глупость: во-
пишь горестно о нашихъ нуждахъ! Не
значитъ ли сіе жаловаться на способность,
которую мы имѣемъ бытъ щасливыми?
Безъ нуждъ не было бы болѣе наслажденій;
а безъ наслажденій нѣтъ болѣе блаженства
для человѣка: ибо нѣтъ другаго источника
блаженствъ для существа сотворенна.
Наивышше доказываетъ нашу слабость на
спранныя власть, которую имѣютъ желанія
надъ разумомъ. Сколько разъ принимали мы
сильное движеніе нашихъ желаній за нео-
провергаемое доказательство о точности
успѣховъ, между тѣмъ какъ другіе ясно
видѣли , что намъ во оныхъ успѣхъ было
не возможно. Если желаніе ослабляетъ насъ
до такой степени , то надобноли удив-
ляться , что при послѣднемъ издыханіи
спешащій человѣкъ еще льститъ себя
надеждою о продолженіи жизни? Мы подобны
увядшимъ осѣнью и поблекшимъ листьямъ,
которыя малѣйшее дуновеніе вѣтра ошдѣ-
ляетъ отъ вѣтви; но при всемъ томъ
думаемъ еще , что мы съ жизнію крѣпче
сопряжены , нежели раждающіеся пупышекъ
во время зелености своя со стеблемъ.

Изо всѣхъ узъ привязывающихъ насъ
къ жизни сладчайшіе и сильнѣйшіе суть
узы дружества. Если однажды смерть раз-
торгнетъ сіи узы , какая глупость желать